

ПОСТЭПИДЕМИЯ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ВРЕМЕНА ГОДА

ВЛАД ВЕГАШИН

Влад Вегашин
Времена года
Серия «Постэпидемия»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

2095 год. Дальний космос. Неведомые планеты. Новые цивилизации... кому мы обязаны тем, что сумели его пройти?

Влад Вегашин

Времена года

2095 год. Дальний Космос. Планета Алунтаана.

3 марта по земному времяисчислению.

– Вы хотите сказать, что нашли нас по этому вирусу? – Лаэп-аль-Краалан медленно проводит рукой по волосам, индигово-синие пряди искрятся в прихотливо смешивающемся свете зенитной Лаунги и заходящего Эльтарана.

«Ох, попался бы ты мне лет так тридцать назад», думает доктор Ленгермейт. Усилием воли отгоняет неуместную мысль. Какая разница, что этот космический эльф в четыре или пять раз старше ее? Человеческие девяносто – это все-таки человеческие девяносто: молодость уже позади, да и зрелость потихоньку заканчивается, уступая место вполне себе пожилому возрасту: еще лет тридцать – и надо заканчивать с дальним космосом.

– Именно так.

– То есть, вы исследуете Пространство в поисках обитаемых планет, и находите их... по вирусу?

– Именно так, – повторяет доктор Ленгермейт, и в который уже раз объясняет: – Пока мы не нашли вакцину, единственным способом борьбы с вирусом была самоизоляция. Представьте миллионы людей, запертых в домах. Из развлечений – только надоедающие к концу второго месяца кни-

ги и фильмы. И – великолепная система самообразования. Учись на кого хочешь. Менеджмент, финансы, реклама – за не очень большие, но все-таки деньги. Медицина, энергетика, инженерные специальности – бесплатно, а после первых экзаменов начинает выплачиваться стипендия. В итоге к концу эпидемии мы получили десятки тысяч еще недоученных – не все можно постичь без практики – но полных энтузиазма специалистов. Через десять лет построили первый межзвездный корабль «Победа». Еще через пятнадцать лет звездолет «Максим Кимов» совершил первый полет за пределы солнечной системы, где обнаружилось несколько планет земного типа. Я была на этом корабле в качестве главы медицинской службы. Экипаж здоров, работы нет... интереса ради настраивала биосканеры на поиск по различным параметрам. По случайности ввела в программу характеристики вируса, который как раз вызывает заболевание. И биосканер тут же его обнаружил! Так мы нашли первую внеземную цивилизацию. Уровень развития – ну, примерно как у вас лет триста назад, или у нас – двести. Высокая плотность населения, паршивые представления о личной гигиене, в итоге – сами понимаете. Нас восприняли, как богов. Ну, что ж, вакцинировали население, обменялись контактами, сейчас подбрасываем информацию для размышления – пусть развиваются... впрочем, это уже не моя задача, это к Корпусу Прогрессоров. По тем же настройкам сканеров нашли еще две населенные планеты, а потом – вас.

– Что же такое этот вирус? Если он в практически неизменном виде встречается в одно и то же время на разных планетах...

– Больше того, в разных галактиках. Я тоже задаюсь этим вопросом. Мы все задаемся. Что он такое, откуда... Мы изучаем его, тестируем, пытаемся посмотреть под другим углом... рано или поздно, мы найдем ответ. А пока что мы просто вакцинируем вселенную от этого вируса... и всех прочих заодно.

– Из ваших слов я понял, что вы пока что не нашли ни одной цивилизации, которая справилась с вирусом самостоятельно. Как же это удалось вашей планете?

– Нашей стране, – уточнила доктор Ленгермейт. Улыбнулась, не скрывая заслуженной гордости: – Мы русские. Мы не умеем сдаваться, не умеем проигрывать. Мы объявили вирусу войну – и мы победили.

2020 год. Россия, Санкт-Петербург.

Майский рассвет прекрасен. Лена сидит на подоконнике, смотрит на лохматую пахучую черемуху за окном – пушистые веточки совсем близко от окна третьего этажа, кажется, можно руку протянуть и дотронуться. Лена протягивает. Ухватывает кончиками пальцев нежные цветочки, подтаскивает к себе, обламывает веточку и начинает яростно обдирать белые звездочки.

Ну вот какого черта? Почему сейчас, когда все цветет и

пахнет, когда такие чудные теплые ночи, она должна сидеть дома? Какое, к черту, дистанционное обучение? Да зачем ей вообще эта дурацкая школа, зачем согласилась на уговоры родителей и пошла в идиотский десятый класс? Все равно она не будет работать, это для лохов. Лена талантлива, Лена красива, Лена ведет блог, у нее несколько тысяч подписчиков. А будет еще больше! Было бы еще больше, если бы не долбанная самоизоляция. Все клубы закрыты! Откуда, спрашивается, вести репортажи, откуда выкладывать фоточки и сторисы в инсту? Всю жизнь ей сломали, уроды. Ну ничего, еще чуть-чуть потерпеть, все блогеры говорят, что скоро правительству надоест ломать комедию, и все откроется. Даже если вирус и существует, не могут же бизнесмены и прочие крутые чуваки, на которых все держится, долго терпеть такую угрозу бизнесу?

– Лена, ты чего так рано встала? – мать, приглаживая всклокоченные со сна волосы, заходит в кухню.

– Я не ложились, – буркает девушка. Ну вот, сейчас опять будет лекция о важности учебы, о том, как здорово постаралось министерство образования, сделав все, чтобы дети могли продолжать учиться, несмотря на тяжелую ситуацию...

Мать ничего не говорит. Тяжело вздыхает, уходит обратно в спальню.

Лена достает смартфон, открывает инстаграм. Ничего нового не запостить, разве что черемуху эту дурацкую, да только кому она нужна?

Июньские белые ночи Максим ненавидел. Он вообще ненавидел спать при малейшем источнике света. Конечно, окно в спальне затягивала надежная блэкаут-штора, не пропускающая ни единого лучика сумасшедшего солнца, но он-то знал, что на самом деле уже светло!

Время – четыре тридцать. Спал всего пять с половиной часов... мало, но заснуть все равно не удастся. Слишком много интубаций за вчерашний вечер, слишком многих пришлось переводить на искусственную вентиляцию легких. Да, аппаратов ИВЛ в избытке, неделю назад даже отправили штук сто в Мурманск – не то, чтобы там в них остро нуждались, просто пусть будет запас. Но каждое использование ИВЛ – лишнее, его нельзя было допускать. Увы, пока что вирус сильнее.

Встал, посмотрел на мирно спящую Веру, тихо вышел из спальни. Включил кофеварку, пошел бриться – он брился каждое утро, хотя щетина не успевала отрастать: это позволяло собраться. Пока пил кофе – вызвал бесплатное для медиков такси, заказал в больничной столовой яичницу с беконом и овсянку на завтрак: в новом приложении это делалось так легко и быстро, что Максим уже давно перестал тратить время на еду дома.

Такси мчалось по пустым улицам. Максим посмотрел в окно – то же самое, что и всегда: никого нет, магазины закрыты, общественный транспорт уже месяц как не выходит из

парков. Отвернулся, открыл инстаграм на смартфоне. Пролистал – как же тихо... никто ничего не постит, не пишет, не выкладывает фотографии из поездок и с шашлыков. Разве что котики заполонили ленту. Стоп, это что-то другое... кто вообще эта девушка, откуда она в его подписках? А снимок красивый: залитая розовыми рассветными лучами, черемуховая ветка будто бы сама сияет нежно-нежно... не задумываясь, тапнул дважды по экрану, ставя лайк.

Машина остановилась у КПП больницы. Максим благодарно кивнул водителю – звуков пластиковая перегородка между сиденьями не пропускала. Вышел.

Начинался новый день.

Июльское солнце жарит, как ненормальное. Лена лежит на кровати, закинув ноги на стенку. Читает новости – больше читать нечего, даже самые популярные блогеры уже устали по сотому разу писать одно и то же. Карантин продолжается. Люди болеют – по крайней мере, так говорят по телевизору. В интернете мнения расходятся – кое-кто все еще утверждает, что никакого вируса не существует, кто-то уже соглашается, что четвертый месяц самоизоляции на что-то намекает.

Щелкнул замок – мать вернулась. Вчера на каком-то ютьюб-канале появилось видео: люди лежат в коридорах, больные вперемишку со здоровыми, многие задыхаются, что аппаратов искусственной вентиляции легких в стране не хватает – все, что было, продали в Америку, а деньги распилили.

А теперь правительство еще и тайно снимает деньги со счетов граждан, чтобы пополнить казну. Вот мать и поверила, побежав снимать деньги, пока не украли, хотя Лена и убеждала ее, что видео – откровенная постановка, а местами и вовсе не слишком аккуратный монтаж: за полгода ведения своего блога она научилась определять такие вещи.

– Ты как-то долго, – Лена выходит в коридор, машинально берет с полки дезинфектор, протягивает матери – та отмахивается, бросая сумку в угол.

– Банкомат сломан, представляешь?

– Ну так не надо было выбирать банк, у которого полтора банкомата на район, – пожимает плечами Лена, и уходит в комнату.

Ка-ран-тин. Еще, говорят, минимум на месяц. Свихнуться можно. Скучно настолько, что Лена даже подумывает, не попробовать ли и в самом деле заняться хоть немного учебкой? Хотя бы английским: блогеру полезно знать языки. Когда-нибудь же она вернется к ведению инстаграма...

Августовские ночи полны темного неба и ослепительно-ярких звезд, чей летящий миллионы лет свет легко пронзает прозрачный до звона воздух.

Максим стоял у окна, смотрел в бархатную полночь сквозь забрало костюма полной биозащиты. Стоял, глубоко дышал – последнюю разработку нижегородского исследовательского центра, новейшие, совершенно не затрудняющие

дыханиереспираторы, доставили в больницу только два дня назад, и Максим никак не мог надышаться.

Глубокий вдох. Медленный выдох.

Удары сердца: один, два, три, четыре, пять.

И еще раз: глубокий вдох и медленный выдох.

Все. Пора. Времени в обрез, времени всегда в обрез.

Некоторые покидали Красную зону на время законного часового перерыва: в основном, совсем зеленая молодежь, едва успевшая получить диплом, ну и не выдерживающие взятой на себя нагрузки старики. Последним пытались и во-все запретить работать – мало ли что, все-таки группа риска – но сами заслуженные медики взбунтовались: это их Долг, и никто не имеет права на него покушаться! Хоть соглашались работать укороченные смены по шесть часов, и перерыв отсиживали сполна, весь час – в Зеленой зоне, без костюма, без респиратора.

Максим не выходил из Красной всю смену. Вернее, полторы смены, двенадцать часов: такие переработки не поощрялись, но и не запрещались, все сугубо добровольно. Максим начал работать с COVID-19 еще в начале марта, когда появились первые заболевшие, но еще казалось, что Россию эта беда обойдет стороной, что предпринятые меры безопасности позволят обойтись без карантина, что сознательности граждан хватит, чтобы не выходить из дома без крайней необходимости – но увы, любители шашлычков вкупе с нежелающими сидеть на домашнем карантине путешественниками,

скрывающими посещение стран с негативной эпидемиологической обстановкой, сделали свое черное дело. В апреле медики работали практически без выходных – так много поступало заболевших. И пусть большая часть тех, кого привезли с предварительным диагнозом COVID-19, в итоге давали отрицательный тест и отправлялись в другие отделения – нагрузка была невероятной. Максим перестал приходить домой: вроде бы понимал, что при всех принимаемых мерах не может принести в семью никакую заразу, но когда речь идет о самых близких, самых любимых – всегда перестраховываешься. И не он один – многие коллеги приняли такое же решение. Петр Семенович, главврач, сначала ругался, топал ногами, кричал, даже матом ругался – какого пиип, да вы просто пиип все, у вас в головах только пиип. Но Петр Семенович всегда ругался и кричал, когда пиип от переживаний за коллег. Сам-то он по здоровью уже не мог заниматься непосредственно лечением, ему и вовсе работать не стоило, но оставить больницу был не в силах. Повезло – кроме таланта хирургического, у него обнаружился талант административный, и теперь его подчиненные сражались за жизни пациентов, а Петр Семенович сражался за них. И когда несколько десятков врачей и медсестер с медбратьями заявили о желании не покидать больницу до окончания эпидемии – позволил по десятку номеров, с кем-то поговорил тихо и спокойно, на кого-то накричал – пиип! пиип! пиип! – и уже через три дня возле больницы был развернут жилой модуль, пода-

ренный военными.

Лежа на узкой, но на удивление удобной койке, Максим звонил домой по видеосвязи. Надевал наушники, пристраивал на коленях планшет, и по часу разговаривал с Настенькой о ее уроках, с женой – о домашних делах и о том, как они поедут в отпуск в Севастополь, когда все это закончится. Иногда Вера смахивала слезинку и говорила: как жаль, что мы не переехали в Крым жить, когда была возможность: у них ситуация гораздо лучше! Максим хмурился и переводил разговор на другую тему: Вера прекрасно знала, что если бы даже они переехали в Крым – он все равно с началом эпидемии уехал бы из благополучного региона туда, где нужна его помощь, да не в Петербург, где все более или менее терпимо, а в самую Москву. Закончив разговор, Максим убирал планшет в тумбочку, вытягивался во весь рост, и мгновенно засыпал.

Завтра – новый день. И новая битва. Битва, которую нельзя проиграть.

Сентябрьские дожди плачут по ушедшему лету.

Лена сидит на любимом подоконнике, смотрит в окно, на затянутую мутной пеленой дождя дорогу, ведущую к подъезду.

Лена ждет «Скорую».

Лене очень, очень страшно.

У матери температура тридцать восемь и девять. Уже пя-

тый день. Сухой кашель, слабость. Болят мышцы. У матери – коронавирусная инфекция. Кто знает, где она ее подхватила? Может, пока стояла у неработающего банкомата. Может, по дороге: содержащие вирус частицы влаги, повисшие в воздухе после того, как покашлял кто-то зараженный, сохраняются долго. Может – когда открывала дверь подъезда или прикасалась к перилам, поднимаясь по лестнице. В любом случае – отказываться от дезинфектора не стоило.

Лена почему-то совсем не думает, что к банкомату мать ходила больше месяца назад.

Двор озаряется красно-синими огнями. Лена опрометью бросается к двери. Стоит, ждет, вслушиваясь в сухой кашель матери. Ну зачем, зачем Лена ее слушала, зачем верила в «просто продуло на балконе, нет никакой температуры, тебе кажется»?

Врачи в полном защитном облачении входят в квартиру. Кивком здороваются с Леной, сразу идут на звук кашля, закрывают за собой дверь. Через десять минут зовут Лену.

– Вы дочь? Мы забираем ее в больницу. Инфекция запущена, возможно, придется подключать к ИВЛ.

– А они есть? – испуганно пищит Лена, пугаясь собственной наглости.

Один из врачей поворачивается к ней: лица за маской почти не видно, но глаза усталые.

– Меньше смотрите новости в интернете. У нас есть все, что нужно.

– Мама поправится? – самый важный вопрос.

– Мы сделаем все, что в наших силах. А теперь откройте рот, мне нужно сделать вам анализ.

Конечно, они не могут давать никаких обещаний – еще полгода назад за опрометчивые слова на медиков подавали в суд.

Лена послушно открывает рот.

– Все в порядке, – через пару минут говорит врач. – Даже удивительно: вы столько времени в контакте с больной... Повезло вам. Ожидайте, через пятнадцать минут приедут дезинфекторы, обработают квартиру. Сразу предупреждаю: ближайшие три недели вам строжайше запрещено покидать дом. Если что-то потребуется – в приложении СОН делаете запрос, вам все доставят в течение часа-двух. Через три, шесть, девять дней – визит врача для повторных тестов. Вам все понятно?

– Понятно, – шепчет Лена немеющими от страха губами. Кажется, вирус все-таки совсем не выдумка.

Октябрь мутен и тускл, он признает только один цвет: серый.

Максим чувствовал себя подогретым в микроволновке желе, растекаясь в объятиях роскошного кресла в комнате отдыха. Надо было встать, пересесть на менее удобную, но позволяющую оставаться собранным кушетку, и просмотреть, наконец, результаты странной пациентки. Конечно, он

не должен был заниматься этим в перерыве, но кто из них, сражающихся на передовой, мог себе позволить *на самом деле* отвлечься от мыслей о работе?

Сделав над собой невероятное усилие, Максим кое-как выбрался из трясины кресла. Сел за стол, развернул на планшете лабораторный файл. Просмотрел сначала наскоро, почти не вчитываясь, потом – более внимательно: он давно заметил, что это наиболее эффективный способ чтения.

Стоп.

Вернулся к предыдущей строчке. Помотал головой. Прощептал что-то сугубо неприличное. Перечитал еще раз. Перелистнул страницу, посмотрел внимательно на чертов бугристый шарик. Вернулся к подробному описанию.

Выругался уже в голос, сунул планшет в карман и быстрым шагом направился к границе красной зоны.

Ноябрьский первый снег быстро ложится и быстро тает.

По телевизору кто-то серьезно уверяет:

– Наши больницы обеспечены всем необходимым, включая персонал. Ответственные органы власти сделали все, что только можно, и даже больше. Теперь дело за вами. Не теряйте даром время, которое у вас есть, получайте образование, улучшайте свои навыки. Держитесь. Вирус мутировал, почти разработанную вакцину предстоит переделывать, хотя уже и не с нуля. Без вашей помощи, без вашей поддержки, без вашей готовности соблюдать правила карантина по-

бедить вирус будет сложно.

Лена внимательно слушает. Она и так следует озвученным рекомендациям, но все равно каждый раз внимательно слушает: вдруг что-то упустила? И каждый раз думает о том, что нужно было соблюдать все эти меры раньше. и тогда удало~~сь~~
~~бы избежать беды...~~

Звонок в дверь – СОН принесли продукты. Лена старалась лишний раз к ним не обращаться: мало ли что может прилипнуть к спецкостюмам *снаружи*? Подошла к двери, стукнула изнутри. На лестничной клетке раздались звуки шагов, отдалились, стихли. Лена натянула респиратор, бахилы и перчатки, надела халат, взяла большую сумку с непроницаемым зип-локом. Быстро вышла на лестницу, загрузила принесенный пакет в сумку, закрыла замок, вернулась в квартиру. Респиратор, перчатки, бахилы, халат, сумку – все в портативный стерилизатор! Удобнейшая вещь, две недели назад привезли во все квартиры. Бесплатно. Наверное, уже тогда знали о новом типе вируса, только по телевизору еще не общали, а в интернет Лена особенно и не выходила, только на дистанс-точка-ру.

Пока вещи дезинфицировались, Лена обработала пол в коридоре, и вернулась в свою комнату. Забралась с ногами на стул, открыла последний урок по биологии, и долго-долго смотрела на один абзац. Кажется, сегодня учиться она уже не могла, все-таки, есть у человеческого мозга предел восприятия информации за один день.

И все-таки она молодец. За два месяца стала первой в классе по биологии и химии! Русский еще надо подтянуть, но он не профильный, просто обязательный. Математика еще проседает... но главное – это биология и химия!

Лена перешла на сайт первого меда, кликнула «пройти тестирование (не является основанием для поступления)», и на два с половиной часа выпала из реальности.

«Поздравляем! Вы прошли вступительное испытание! Повторите ваш результат на экзаменах – и станете студентом нашего университета!»

– Мам, ты могла бы мною гордиться, – прошептала Лена, сдерживая слезы.

Она не позволяла себе плакать. Больше никогда.

Декабрьская выюга завывает за окном, вторя сиренам «Скорых».

Максим надевает защитный костюм, проходит через дезинфектор в реанимацию. Боже милосердный, как же их много... Новый штамм **с некоторой вероятностью** может передаваться через воду. Он безжалостен и стремителен: пять дней инкубационного периода, три-четыре дня болезни, и смерть. Если Максим не успеваает. Если они все не успевают.

Максим привычно включается в работу, стараясь не думать о родных. Вера и Настенька сейчас тоже в больнице. У обеих – положительный тест.

Максим работает. Он должен успеть.

Чтобы тот, другой, тоже успел.

Декабрьская выюга завывает за окном, вторя сиренам «Скорых».

Лена надевает защитный костюм, выходит из квартиры. У парадной – вода, много воды в больших десятилитровых бутылках. Все системы водоснабжения и канализации в городе перекрыты – губернатор стремится минимизировать риски, а к январю обещает установить новейшие системы обеззараживания, способные обезвредить даже новый вирус.

Но до тех пор людям нужна вода.

Лена берет первые две бутылки: она сильная, гораздо сильнее, чем раньше, она ежедневно тратит не меньше часа на комплекс упражнений. Кто-то рядом тоже берет две бутылки: за тусклым стеклом маски сложно разглядеть лицо, но Лена узнает Антона – и отстраненно удивляется: она помнит его веселым тусовщиком, завсегдатаем клубов, автором инстаграм-канала, соперничающего с ее собственным, а сейчас перед ней взрослый парень с серьезным взглядом. Волонтер, как и она сама.

Квартир очень много, людей в них – еще больше. Служба обеспечения населения впервые обратилась за помощью – и уже через два часа объявила, что больше помощь не требуется: не было ни одной парадной ни в одном доме, откуда не откликнулись бы люди.

Вдвоем Лена и Антон разносят воду за пару часов. Когда

они заканчивают, подъезжает еще один грузовик. Водитель – как и все, в защитном костюме – подходит к Лене.

– Я знаю, вы подписывались на воду, но тут это... ну, на Новый год. Сможете разнести?

– Конечно, – уверенно отвечает Антон, и Лена вдруг думает: может, попробовать ему написать? Ну, просто... поговорить о жизни. Может, он что-то смыслит в математике, которая так упорно ей не дается?

Зеленые ящики с эмблемой в виде елочки не тяжелые, но объемные. Когда они, наконец, заканчиваются, Лена думает, что завтра, пожалуй, она имеет право пропустить тренировку.

Уже оказавшись дома и загрузив все, что на ней было, в стерилизатор, Лена открывает свой ящик.

Не слишком большая ярко-зеленая елка – искусственная, конечно. Украшения к ней: шарики, мишура, гирлянда с лампочками. Сырокопченая колбаса, баночка красной икры, свежее сливочное масло, шоколадные конфеты, утиные ножки в вакуумной упаковке, сыр. Открытка: «С Новым, две тысячи двадцать первым Годом!». Лена растерянно смотрит на календарь: двадцать девятое декабря.

– Ну надо же... а ведь я и не подумала.

2021 год. Россия, Санкт-Петербург

Январь прозрачен и холоден.

Разум Максима прозрачен и холоден.

Глупо получилось: когда внезапный звонок принес страшную весть, Максим спуускался по лестнице. Потерял сознание, скатился по ступенькам. Теперь на несколько месяцев прикован к постели: сложный перелом голени, ушиб позвоночника, риск паралича.

Ничего, главное, что дали ассистента и оборудовали палату по его запросу.

Разум прозрачен, как воздух, и холоден, как скальпель. Мысленный скальпель, которым Максим препарирует SARS-CoV-3.

Он больше не может лечить людей? Что ж, он сделает так, чтобы их не нужно было лечить.

Когда усталость берет верх над упорством, Максим отрывается от работы и достает планшет. Долго смотрит на фотографии жены и дочки. Потом открывает инстаграм и листает ленту, пытаясь найти что-нибудь, что позволит хоть немного отвлечься.

Новогодние елочки, какие-то самодельные подарки, семьи за праздничным столом, стоп-кадры речи президента... внезапно – задачка по биохимии, примерно третий курс. Интересно. Максим увеличивает изображение, читает формулы, хмурится: что-то здесь не так. Наконец, находит ошибку: пожалуй, нет, не третий курс, для них сложновато. Заглядывает в описание фото: «едва ли здесь есть кто-нибудь, кто может мне помочь с #биохимия – но я просто хочу что-нибудь выложить, чем-нибудь поделиться. Пусть это будут мо-

ипервые #вступительныеэкзамены в #медицинскийвуз».

Вступительные экзамены? Максим усмехнулся, перешел в директ и начал набирать ответ с объяснением ошибки. Если эта девушка и впрямь только абитуриентка, то к ней нужно присмотреться – таланты часто пропадают просто потому, что некому было вовремя их заметить.

А еще фамилия ее казалась смутно знакомой...

Февраль звенит морозами, но уже чувствуется, что это последний аккорд зимы.

Лена не замечает погоду за окном. Лена штудировает очередной учебник, присланный Максимом Игоревичем, и не отвлекается ни на что. Ей нет дела ни до мороза, ни до давно остывшего обеда – она читает про вирусы. Кто бы мог подумать, что это настолько интересно? И злая ненависть к проклятому вирусу, поселившаяся в груди после смерти мамы, только раззадоривает этот интерес. Максим Игоревич не говорит прямо, но Лена догадывается, что он тоже кого-то потерял. А позавчера он признался, что это он пытался вылечить ее маму, и что даже понял, что она болеет другим видом инфекции, но вот спасти ее уже не успел, и теперь чувствовал себя виноватым. Лена не пыталась его переубедить, она уже представляла себя в недалеком будущем и, кажется, понимала, что переубедить – бесполезно. Надо просто быть рядом, насколько это возможно, и поддерживать.

И учиться. Много-много учиться.

Ради будущего. Ради создания активной вакцины против вообще любых вирусов.

Фантастика? Может быть.

Но только наш талант и наше упорство определяет, что останется фантастикой, а что станет правдой.

Лена собиралась воплотить в жизнь очень много фантастики. Поэтому она просыпалась утром, делала разминку, завтракала – и садилась за учебу. Потом делала перерыв на обед, и снова училась. После ужина – переписывалась с Максимом Игоревичем.

Правда, про обед иногда забывала.

Март пахнет весной и надеждой.

Максиму, наконец, разрешили вставать и даже немного ходить, и ему очень хочется верить, что теперь дело пойдет быстрее. Вдохновленный полученной относительной свободой перемещений, Максим во вспышке озарения нашел подход к старому вирусу, и буквально за неделю создал пробную вакцину – теперь ждал первых результатов и пытался применить тот же подход к последнему штамму. Даже не столько к последнему, как к коронавирусу в целом: что толку изобретать вакцину, когда она будет устаревать каждые полгода?

Максим просыпался – и начинал работать. Ему приносили завтрак – он проглатывал еду, не чувствуя вкуса. Работал, прерывался на обед, снова работал. А вечером, после ужина, читал присланные Леной задачи, разбирал ее нечастые

ошибки и думал, что самое главное – не дать девочке свернуть с выбранного пути: такие таланты случаются нечасто.

Апрель звенит капелью и шелестит пробивающейся листвой.

У Лены кружится голова от этих звуков и запаха мокрой земли, она хочет выбежать на улицу, промчаться по сверкающему асфальту, закружиться на месте, обнять весь мир, смять в ладонях тающий снег, расцеловать набухающие почки.

Лена ограничивается тем, что широко распахивает окно и несколько минут стоит, высунувшись по пояс, глубоко дышит, улыбается первым по-настоящему весенним лучам.

Потом закрывает окно и садится за медицинский справочник, мысленно ругая себя за неосторожность: никто не знает, где в следующий раз проявит себя вирус.

Захлопывает справочник, тянется за смартфоном: сегодня она ждет очень важную новость, и ожидание это – невыносимо.

Знает, что торопить незачем, что Максим Игоревич напишет сразу, как только сможет.

И все-таки...

Лена достает смартфон, открывает мессенджер.

«Ну как?»

Максим смотрит на обезьянку. Обезьянка смотрит на

Максима.

Две недели назад обезьянка получила вакцину.

Неделю назад обезьянка была заражена коронавирусом последнего типа.

Обезьянка должна быть мертва уже два дня.

Но она жива, вполне бодрa, у нее нет температуры и других симптомов.

Максим достает смартфон, открывает мессенджер.

«Получилось!»

Май проходит мимо. Тестирования, проверки, новые тестирования, производство, распространение... Максим сделал все, что мог, теперь он просто спит по двенадцать часов в сутки, и по шесть часов разговаривает с Леной.

Лена сдает ЕГЭ – ее баллы по биологии и химии наполняют сердце Максима гордостью. Лена готовится поступать в Первый Медицинский, не спит ночами, боится – Максим смеется над ее страхами и говорит, что она могла бы поступить прямо сейчас, не готовясь больше ни минуты. Лена обижается: «Максим Игоревич, вы не в приемной комиссии, чтобы так говорить». Максим хочет попросить ее называть его по имени, но боится, что Лена может неправильно его понять. Лена младше его всего на пятнадцать лет... или все-таки на целых пятнадцать лет?

В июне страна оживает. Все население вакцинировано,

включая бездомных и бродяг. В кои-то годы правительство проявило жесткость: всем антипрививочникам предлагалось засунуть свои убеждения куда подальше и явиться на вакцинацию – либо покинуть страну в течение недели. Что характерно, никто в итоге от прививки не отказался.

Люди ходят по улицам. Не торопясь, разглядывают прохожих. Улыбаются, радуясь свободе, хмурятся, все еще до конца не веря, что карантин закончился. Живые. Здоровые. В безопасности. По крайней мере, вирус им больше точно не грозит. По крайней мере, этот вирус.

Максим и Лена сидят за столиком летнего кафе на Невском, пьют кофе, разговаривают о какой-то ерунде. Робот-официант, похожий на эр-два-дэ-два с подносом, приносит им пирожные.

– Вот ты могла пару лет назад представить, что тебе робот будет на стол накрывать? – спрашивает Максим.

Лена на минуту задумывается.

– Могла. И обязательно написала бы в блог что-нибудь скандальное, вроде «роботизация отнимает рабочие места у населения, бывшие официанты умирают от голода»... а, стоп, нет, это я сейчас придумала. Могла представить, да... в основном – в виде смешных фотографий для инстаграма.

– Хорошо, что можно больше не переживать за официантов, – Максим смеется, Лена – тоже.

– У меня был знакомый, который работал официантом. Сейчас сдает экзамены в Институт космических исследова-

ний, представляешь? Мечтает построить межзвездный корабль...

Максим прикладывает смартфон к цифровой панели на столике, оплачивая заказ.

– Знаешь, сейчас такое удивительное время... если по-настоящему мечтает – то обязательно построит! Ты мне вот что скажи: ты уверена, что хочешь именно в микробиологию?

– Ох, это слишком сложный вопрос для такого утра! Если честно, я все еще разрываюсь между ней и геронтологией, но все-таки выбираю микробиологию.

– Жаль...

– Почему?

– Если бы ты, с твоим талантом, занялась бы геронтологией, то нам не пришлось бы больше стареть. Может, подумаешь?

Они смеются. Теперь можно.

Сияло июньское солнце. Жаркое, терпко обжигающее губы, торжествующе-яркое, оно ослепительно высвечивало белоснежные полотна с Гиппократовой чашей – алой, синей, и самой гордой, черно-желтой. Той, что стала символом Максима и его коллег-эпидемиологов. Той, что стала знаменем новой Победы.

Максим шел в первых рядах колонны. Самый знаменитый врач в мире, самый уважаемый, самый обожаемый, он, как мог, пытался откреститься от этой славы – ведь не один, ведь

просто повезло, ведь сотни и тысячи коллег по всей стране работали одновременно с ним! Но первым оказался он. Так уж вышло. И теперь именно его имя ассоциировалось во всем мире с победой над страшным, неуловимым, безжалостным врагом.

Сияло июльское солнце, и под его радостными лучами по Невскому проспекту шла колонна победителей. Первыми – главные герои дня: врачи, фармацевты, медицинские сестры и братья, младший персонал: все те, кто весь прошлый год был на передовой. За ними – люди, работавшие в СОН, люди, которые этот год привозили людям еду, воду, лекарства. Следом – полиция и Росгвардия: в дни Беды они проводили на улицах целые дни, постоянно рискуя встретиться с врагом, перед которым бессильны их выучка и подготовка: патрулировали, уговаривали нарушителей вернуться в дома, не подвергать свою жизнь напрасному риску. За ними впервые в истории шли на параде программисты и специалисты по информационным технологиям: люди, благодаря которым жизнь в захваченной врагом стране не остановилась, не встала, разве что немного замедлила свое движение. Благодаря их работе дети смогли закончить учебный год и продолжить образование осенью, благодаря их работе СОН всегда вовремя реагировали на запросы людей, благодаря их работе сотни тысяч оставшихся без заработка человек смогли за считанные недели освоить элементарные навыки информационных профессий и не оказаться в финан-

совом кризисе. Были на параде и те, кого, на первый взгляд, здесь не должно было быть, и все же своими действиями в разгар Беды заслужившие это почетное право. Рестораторы, снабжавшие зашивающихся на службе медиков бесплатной горячей едой. Таксисты, бесплатно перевозившие по пустым карантинным улицам тех, без чьей помощи город не мог продолжать жить. Банкиры, предоставившие всем гражданам отсрочки по кредитам. И многие, многие другие...

Следом за основными колоннами парада шли простые горожане. Шли, зная и осознавая свое право быть здесь, вместе с героями. Шли, подставляя свободные, наконец, от защитных масок лица июльскому солнцу. Они тоже могли гордиться: выдержали! Справились! Просидели дома больше года, пережили три волны страшного вируса, но не сдались, не спились, не вышли на улицы в бесполезном, опасном протесте, как некоторые. Нашли для себя новые специальности и новые интересы. Сто раз перессорившись – научились, наконец, разговаривать друг с другом и решать проблемы словами. Ведь сколько разговоров было в первые месяцы карантина: едва откроются ЗАГСы – сразу на развод! А в результате – крепкие, пережившие вместе страшную Беду семьи. И вся страна такая: крепкая, сплоченная, дружная.

Впереди был новый мир, свободный не только от вируса, но и от многих других проблем. Столкнувшись с Бедой, люди пересмотрели свои взгляды, а главное – пересмотрели приоритеты. Великолепная и совершенно бесплатная

система самообразования, изначально созданная в помощь школьникам, а позже развернутая в качестве платформы для всех граждан, принесла невиданной щедрости плоды. Бывшие официанты, менеджеры, блогеры, продавцы за прошедший в режиме жесткого карантина год перепрофилировались, и сейчас штурмовали приемные комиссии. Большинство офисов закрылось – выяснилось, что люди гораздо охотнее работают в комфортной домашней обстановке, не тратя время и деньги на дорогу. Исчезли и многочисленные магазинчики со всякой ерундой – во-первых, большую часть всего теперь заказывали дистанционно, во-вторых, не так то просто теперь было найти желающих тратить свое время на бессмысленную и бесперспективную работу ради одних только денег, а в-третьих... да, люди действительно пересмотрели приоритеты. И многое, что раньше казалось едва ли не смыслом жизни, теперь потеряло свою ценность.

Впереди был совершенно новый мир.

2046 год. Россия, Архангельская область, космодром «Плесецк».

– Я хочу поблагодарить всех вас, кто вложил свои силы, свой интеллект, свой талант, свое время и саму жизнь в этот проект. Вы проделали невероятных масштабов работу, и я уверяю: ваш подвиг – тихий подвиг титанического труда – никогда не будет забыт. Вы – первые, вы – лучшие. Спасибо! (Аплодисменты) Отдельно я хочу лично от себя побла-

годарить тех, кто согласился поддержать мое предложение, и благодаря кому я могу сегодня торжественно объявить: наш звездолет получает имя «Максим Кимов» – в честь человека, спасшего Россию и все человечество двадцать пять лет назад, в честь человека, который был моим мужем, и навсегда останется в моем сердце. Спасибо.

(речь Елены Ленгермейт-Кимовой во время торжественной церемонии наречения звездолета «Максим Кимов»)

2095 год. Дальний Космос. Вблизи планеты Алунтана.

28 февраля по земному времяисчислению.

– Доктор Ленгермейт! Готовы результаты глубокого сканирования. Уровень цивилизации соответствует началу наших две тысячи сороковых, плотность населения низкая, у них очень высокий уровень сопротивляемости, но и вирус тут более агрессивный, чем обычно, похож на последний земной штамм.

– Что за население? – уточняет Лена, принимая на головизор пересланный отчет, тут же начинает просматривать, перелистывая страницы взглядом.

Леня запинается.

– Ну... мы еще не до конца реконструировали среднестатистическую внешность населения, но по предварительным данным они выглядят довольно... похоже на людей, но не совсем...

– Не мямли, – морщится Лена.

– Как скажете, доктор. Вот, я сделал три-дэ проекцию.

В воздухе повисает яркое, плотное изображение: кажется, можно даже его потрогать.

Лена давится насмешкой.

– Seriously? Космические эльфы?